

of its development]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science], 2013, no. 4 (24), pp. 92–98.

3. Kosov R. V. *Osnovy sotsialnogo gosudarstva* [Basics of the welfare state], Tambov, Tambov State Technical University Publ. House, 2011, pp. 3–9.

4. Narykov N. V. K probleme tipizatsii politicheskikh rezhimov [To a problem of typification of political modes]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2009, no. 3–4. Available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2009/3-4/narykov.pdf (accessed: 12.05.2014).

5. Nosevich V. L. Na puti k organizatsii obshchestva kak samoorganizuyushchey sistema [On the way to the organization of society as a self-organizing system]. *Matematicheskoe modelirovanie istoricheskikh protsessov* [Mathematical Modeling of Historical Processes], Moscow, 1996, pp. 202–223.

6. *Politologiya* [Political science], Minsk, Asar Publ., 2009, pp. 59–61.

7. Matuzova N. I., Malko A. V. (ed.) *Teoriya gosudarstva i prava : kurs lektsiy* [Theory of State and Law. Lectures]. *Bibliotekar* [Librarian]. Available at: <http://www.bibliotekar.ru/teoria-gosudarstva-i-prava-1/8.htm> (accessed: 27.05.2014).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРСОНОСФЕРА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ХРОНОТОПЕ: ЭГОДОКУМЕНТ КАК СВИДЕТЕЛЬ ЭПОХИ

Бобылёв Владимир Владимирович, кандидат политических наук, доцент

Сочинский институт (филиал) Российского университета Дружбы Народов
354348, Российская Федерация, г. Сочи, ул. Куйбышева, 32
E-mail: bob_6767@mail.ru

Статья посвящена вопросам источников в контексте политической персоносферы в историко-культурном хронотопе. Рассматриваются теоретические аспекты источниковедения «персональной истории» и частные примеры различного рода эгодокументов в контексте целостной системы политической персоносферы.

Ключевые слова: политическая персоносфера, персональная история, человек второго плана, эгодокументы, семейная хроника

POLITICAL PERSONOSPHERE IN HISTORICAL AND CULTURAL BACKGROUND: EGODOCUMENT AS A WITNESS OF EPOCH

Bobylev Vladimir V., Ph.D. (Political Science), Associate Professor

Sochi Institute (the branch) of the Peoples' Friendship University of Russia
32 Kuybyshev st., Sochi, 354348, Russian Federation
E-mail: bob_6767@mail.ru

The author turns to the problems of sources in the context of political personal sphere in historical and cultural background. Theoretical aspects of source in "personal history" or «history from below» and specific examples of various kinds of egodocuments are described in the context of a coherent system of political personosphere

Keywords: political personosphere, personal history, history from below, egodocuments, family chronicle

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы – как истории планет.*
Е. Евтушенко

Понятием, интегрирующим полярные области «элитарности» и «массовости», выступает антиэнтропийный концепт «политическая персонифера» [2–4], вмещающий целостную парадигму персоналистических знаний политологии, истории, философии и культуры и системно связывающая разрозненные персоны в целостном историко-политическом пространстве. Обращение к политической персонифере позволяет увидеть личность, масштабную и не очень, в совокупности происходящих вокруг событий, на фоне общей ситуации в стране и в мире, в ряду соратников и соплеменников, ведь, только сравнивая, можно рассмотреть масштаб, так как политическая персонифера в историко-культурном хронотопе функционирует на различных уровнях, причем личностный и семейный уровень не менее значим, чем глобальный, общеисторический, отражая современную тенденцию к синтезу научного знания и обращаясь к дихотомии «элита – массы» с точки зрения различных наук.

Так, например, политология и элитология оперируют понятиями «лидер» и «аутсайдер», «элита» и «контрэлита» и др., в филологии широко используется понятие «прецедентное имя», «лингвокультурный типаж» (о значимой исторической персоне), а в современной исторической науке все большую значимость приобретает «история с человеческим лицом», причем повышенный интерес историков вызывает область исследований тех исторических, культурных и политических деятелей, которых Н.А. Мининков удачно обозначил общим термином «человек второго плана» [11, с. 10]. Объективно, понятие «человек второго плана» является «метафорой, по существу, речь идет о любом индивиде, не зафиксированном на историческом экране «самым крупным планом», о переносе исследовательского интереса на человека за пределами круга первых лиц исторической драмы...» [14].

По мнению Л.П. Репиной, под влиянием общих изменений отношения к человеческой индивидуальности и тенденцией к персонализации предмета истории «...в последней четверти XX в. пространство применения биографического метода существенно расширилось и изменило свою конфигурацию: наряду с размахом коллективных биографий возросло число индивидуальных жизнеописаний людей, которых никак не назовешь выдающимися историческими деятелями» [15, с. 10]. Как пишет Н.Г. Лисевич: «Тема рядового человека прежде считалась в историографии несерьезной, сегодня же признается несомненная польза обращения к его проблемам, поступкам, заботам, мыслям, чувствам, интересам, вещам, которые его окружали» [9, с. 362].

В этой связи можно вести речь о возрождении интереса к «персональной» истории, «личностной» истории и констатировать выраженный исследовательский вектор, направленный не только к элите, лидерам, как к главным политическим акторам, но и к персонам второго плана, да и просто обывателям, являющихся также, по своему уникальными участниками и свидетелями происходящих событий и, вне зависимости от степени влияния на исторический и политический процесс, в совокупности составляющих неповторимый портрет эпохи.

Изучение «личной судьбы на фоне исторических явлений и процессов и в связи с ними» [13, с. 10] позволяет репрезентовать различные взгляды на знаковых политических деятелей, иначе интерпретировать мотивы их поведения, дополнить информационное поле исследования, интегрировать «мозаичные» элементы в целостную конструкцию, выявить типичное и уникальное, так как зачастую «...типичное лишь оттеняет уникальное: взаимосвязи с жизнью социальной группы, с определённой страной и эпохой, с явлениями в истории фотографии лишь высвечивают уникальность каждой человеческой судьбы...» [17, с. 117].

Обращение к историческим событиям сквозь персоналистическую «призму» всегда актуализирует вопрос источников и свидетельств о произошедшем, которые, в

случае «персональной истории», имеют «ограниченный видовой спектр» [15, с. 13]. Для «персональной истории» основными способом передачи исторических событий являются устные и письменные воспоминания и мемуары очевидцев, различного рода сохранившиеся личные документы, фотографии, т.е. все те источники, которые до недавнего времени были незаслуженно обойдены вниманием ученых и не являлись предметом научного анализа. Как в этой связи пишет З.М. Рубинина, «парадокс заключается в том, что при всей своей привлекательности источники личного происхождения традиционно привлекают меньшее внимание исследователей, нежели официальные документы... У источников личного происхождения есть возможность привлечь к себе внимание исследователей, если они связаны с жизнью и деятельностью известных людей прошлого. Семейные архивы т.н. «обычных людей», как правило, популярностью среди историков-профессионалов не пользуются [16, с. 109]. Вместе с тем, ученые отмечают «нарастающий поток статей и книг, связанных с историей повседневности и использующих массу разнообразных источников, в том числе дневники, воспоминания, письма. Введение в научный оборот новых документов дает исследователям возможность познать колорит эпохи и акцентировать внимание на новом ракурсе событий, происходивших на периферии...» [9, с. 362].

Вместе с вопросом изучения письменных «свидетельств эпохи» человека второго плана, отдельным, малоизученным вопросом остаются вопросы «устной истории», или «истории снизу» как достоверного исторического источника. В этой связи, по замечанию О. Ткач, «Всего 15 лет назад, выступая на международном социологическом конгрессе в Мадриде, один из основоположников метода устной истории в Великобритании П. Томпсон с сожалением отмечал, что историки и социальные исследователи избегают изучения семейных рассказов, незаслуженно считая их тривиальными» [18]. Немногим отличалась ситуация в отечественной науке, как с изучением устной истории, так и с изучением исторических биографий: «В 60–70 гг. XX века историческая биография занимала маргинальные позиции не только в социальной истории, но и в исторической антропологии...» [10, с. 19].

Исследуя проблемы «истории в второго плана» в США, О. Ткач отмечает: «В США устная история, или «история снизу» (history from below), развивалась на волне постколониальных исследований и фокусировалась на изучении жизни ранее «невидимых» и исключенных из истории женщин; искателей приключений и авантюристов, не имевших корней; сирот и усыновленных детей; других маргинальных, дискриминируемых групп населения: мигрантов, переселенцев и т.д. История, написанная из перспективы «простого» человека или маргинала, призвана переинтерпретировать общенациональный исторический нарратив и восполнить белые пятна истории. Одним из первых и наиболее влиятельных в этом направлении стало исследование А. Хейли «Корни» (Haley 1976). По архивным материалам и устным свидетельствам африканских сказителей ему удалось восстановить прошлое своей семьи – чернокожих рабов американского Юга. Книга была переведена на 37 языков, а ее тираж составил более чем 12 миллионов экземпляров» [18].

Письменные источники, вспомогательные при реконструкции образа эпохи, могут быть разделены на документы официальные (разного рода справки, отчеты, свидетельства, хранящиеся в архивах) и неофициальные (т.н. «эгодокументы»), представляющие особый интерес для исследователя в силу своей «персональной» специфики. Термин «egodocument» – эгодокумент – предложенный в 1950 гг. нидерландским ученым Жаком Прессером – означает группу исторических свидетельств, отличительной особенностью которых является их выраженный личный характер, эгодокумент включает в себя автобиографии, дневники, мемуары т.д. [7, с. 8] В Нидерландах ведется активное изучение письменных свидетельств «о себе». Одним из самых значительных, по мнению Ю.П. Зарецкого, стал проект Р. Деккера «Эгодокументы в Нидерландах XVI–XIX вв.» и совместные исследования последнего в соавторстве А. Баггерманом – «Никогда не состариться: удивительный мир Отто ван Эка (1780–1798)»,

о дневнике голландского мальчика, записи из которого «помещаются историками в широкий и очень детальный контекст, позволяющий оживить повседневную жизнь и мироотношение людей этого переломного для европейской истории времени...» [7, с. 11, 16].

Широко известны такие эгодокументы, как дневники Анны Франк, Лены Мухиной, Этти Хиллесум, другие личные записи и воспоминания, ставшие эмоциональными свидетельствами полной трагизма эпохи. Дневник Тани Савичевой в качестве документального свидетельства преступлений фашизма был представлен на Нюрнбергском процессе. Свидетельства очевидцев о событиях грузино-абхазского конфликта собраны в сборник «Белая книга Абхазии», который можно назвать коллективным эгодокументом. Как отмечает О.Р. Демидова в связи с изучением эмигрантских мемуарных текстов о конце эпохи Романовых, «... значимость мемуарного текста для историка культуры не зависит от того, насколько публичной фигурой являлся его создатель, – или зависит в режиме «от противного»: нередко мемуары частных лиц, отложившиеся в официальных архивных собраниях или хранящиеся в семейном архиве, представляют не меньший, если не больший интерес, чем воспоминания известных персон, так как создатели подобных воспоминаний, как правило, менее сосредоточены на себе и более внимательны к окружению, подмечая его мельчайшие детали и подробности...» [5].

Особым вопросом, достойным отдельного исследования, являются вопросы критериев отнесения к эгодокументам. Как совершенно справедливо отмечает Н.А. Мининков: «Как это характерно для биографического жанра историографии вообще, изучение человека второго ряда сближается в определенной степени с процессом исторического познания методами художественного творчества» [11, с. 10]. Зачастую художественная проза, помимо писательского вымысла и автобиографических фактов, содержит в себе точный портрет эпохи, затрудняя проведение демаркационной линии между правдой и фантазией (Б.Ш. Окуджава «Упраздненный театр», И. Губерман «Прогулки вокруг барака», И.А. Бунин «Окаянные дни» и др.)

Для научного поиска вполне уместно обращение и к такому нестандартному источнику, как семейный фотографический архив, о чем убедительно пишет З.М. Рубина, определяя его как «сложный комплекс, который одновременно связан с историей фотографии и историей повседневности определенной социальной группы и который аккумулирует в себе образцы как типичного для повседневности данной группы, так и уникального, поскольку речь всегда идет о судьбах конкретных людей» [16, с. 117].

Вообще, изучение не только личностного, персонального аспекта, но и обращение к семье, ее истории, становится крайне важным в современных условиях. Как отмечает Е.В. Никольский, «семья символизирует нацию, которая прошла через многие трагические изломы, но не раскололась до конца, ибо скрепы, сдерживающие ее, оказались сильнее любых исторических катаклизмов» [13].

В советский период исследователи незаслуженно обходили вниманием семейные архивы, документы и свидетельства, считая их лишь уделом беллетристики, зачастую отрицая важность семейной истории, руководствуясь лишь постулатом «отринуть прошлый мир». И.Н. Извеков с сожалением констатирует: «разрушение межпоколенных связей в советский период привело к отчуждению личности от своих семейных корней и вследствие этого к разрушению семейных традиций и обычаев, повреждению устоев семьи, нарушению семейного уклада, утрате преемственности поколений, девальвации семейных ценностей, снижению социальной значимости семьи и ослаблению ее воспитательных функций» [8].

Особое место в ряду эгодокументов занимают документы жанра «семейные хроники», своеобразные документальные «саги», устные семейные истории, изложенные на бумаге, которые выделяются во-первых, масштабностью, историографической пролонгированностью из поколение в поколение, во-вторых, неизменно рисуют личное на фоне общественного, в-третьих, сочетают автобиографическую историю рассказчика с записанными им воспоминаниями других членов семьи. Как отме-

часть Т.Н. Закаблуква, «отличительной особенностью семейной хроники является движение (смена) поколений в контексте соответствующих исторических эпох. При этом время измеряется продолжительностью жизни поколений, а историческая эпоха представлена через призму частной жизни [6].

Семейная история как история некой социальной группы позволяет выявить «определенные характеристики жизни социальной группы в целом и многое прояснить в жизни исследуемой семьи, изучая таким образом круг ее общения» [16, с. 114], что определяет научный интерес к жанру семейных хроник.

В ряду современных изданий можно отметить узконаправленные семейные хроники, изучающие генеалогию семьи (н-р, «Быкадоровы и другие») и семейные хроники широкого масштаба, фактически исторические саги. Среди последних необходимо выделить вышедшую небольшим тиражом книгу Р.В. Нарьян «Непобедимые предрассудки», в которой автор повествует об истории своей семьи.

Уникальность этой документальной семейной саги протяженностью в целый век в том, что жизнь семьи автора запечатлена в ней на фоне трагических исторических событий XX в. Автор скрупулезно и достоверно записывает воспоминания родных о трагических событиях геноцида армян в Османской империи, бегство в Абхазию, революцию, затем Великую Отечественную Войну, и свои собственные впечатления о жизни в послевоенный период, депортации греков из Абхазии в Казахстан, событиях грузино-абхазского конфликта, и последующую эмиграцию в Россию и другие, не менее важные события. И то, что исторические события переданы сквозь личностную призму, придает описываемым событиям особый масштаб и достоверность в силу эмоциональной окрашенности переживаний.

Имплицитные родственные связи, семейные истории, передающиеся из поколения в поколение, автобиографичность, с одной стороны, типичны для всех семейных хроник. С другой стороны, таким обилием историко-культурных сведений и попыткой анализа, может похвастать далеко не каждая книга. Автор контаминирует историю своей семье с фактологическими сведениями истории Армении, армянской церкви, языка и культуры, обнаруживая недюжинную эрудицию и оперируя внушительным количеством источников, что свидетельствует о серьезности проделанной аналитической работы, о длительном поиске информации о «делах давно минувших», что метафорически возможно назвать «поиском длиною в жизнь». События, различные по масштабу, ставшие знаковыми в жизни и судьбе одной семьи, Р.В. Нарьян совершенно закономерно связывает с историческим фоном событий, анализируя предпосылки произошедшего.

Особый научный интерес вызывают воспоминания о событиях периода геноцида армян в Османской империи, что вызвано темпоральной отдаленностью событий, а значит, и без того малочисленным и продолжающим уменьшаться количеством свидетелей и их свидетельств. В истории семьи автора – столетней истории – отразились, как в зеркале, судьбы многих армян, выживших во время турецкого геноцида, которые поселились в Абхазии, пережили революцию и Великую Отечественную Войну, стали свидетелями и участниками грузино-абхазского конфликта. Потомки их рассеяны по всему миру. Автор пишет с особой горечью: «для армян события 1915 г. – непреходящее прошлое» [12, с. 150], вот почему теме геноцида армян в Османской империи посвящен целый ряд воспоминаний (книга турецкого адвоката Фетие Четин «Моя бабушка», воспоминания Грачья Геворкяна «Если мы замолчим, камни закричат» и др.). Для современников исследования по истории геноцида армян в Османской империи имеют столь важное значение еще и потому, что, как замечает С.Ю. Акопян, «миссия ученых – понять природу геноцида, поднять его осознание человечеством на новый уровень и тем самым исключить возникновение условий для его рецидива» [1].

Интересные фактологические свидетельства приводятся автором о истории города Шабин-Карахисар (Шабин-Карайсар), восстания и последующего уничтожения армян, очевидцами и непосредственными участниками которого были его предки.

Это восстание было одним из первых знаковых событий в политической жизни Османской империи периода геноцида. Автор приводит ужасающие свидетельства геноцида армян в различных регионах Турции, записанные им по воспоминаниям из первых уст, от очевидцев событий, отчего отдаленная, «мертвая» история становится «живой», эмоционально окрашенной.

Интересными для понимания реалий и бэкграунда политической жизни являются и психологические портреты турецкой знати и чиновников того времени. Некоторые, казалось бы, незначительные, подробности, добавляют штрихи к портрету известных героев – так, один из предков автора воевал в отряде под предводительством Андраника Озаяна (известного героя армянского сопротивления), и его рассказ добавляет простых человеческих черт к героическому портрету, высеченному в памяти потомков.

Побудительной причиной обращения к различного рода эгодокументам, причиной, которая, скорее, находится не столько в плоскости научной, сколько в плоскости духовной, становится для авторов стремление «в образах далекого прошлого найти исцеление от «нестерпимой боли душевной» [17]. Как пишет Р.В. Нарьян, лекарством от боли и тоски по ушедшим родным и близким людям оказались черновики с воспоминаниями о родных, документы, фотографии [12, с. 6]. Особо подверженными такой душевной тоске, ностальгии становятся люди, по каким-либо причинам покинувшие родину и тоскующие по ней.

О.Р. Демидова, исследуя мемуары белоэмигрантов, отмечает обилие мемуарных текстов в любой диаспоре: «... утверждение о неукорененности потерявших родину людей в бытии представляется не вполне корректным, как минимум, по двум основаниям. Во-первых, родина, потерянная в физическом смысле, сохраняется в памяти на уровне образа и хранится ею, и утрата не делается тотальной, пока живет образ утраченного. Во-вторых, образ властно требует воплощения в слове, а ткань прежней жизни неуклонно прорастает в текстах, воссоздающих прошлое в мельчайших подробностях и делающих его почти осязаемым. В результате хронологически разные пласты бытия сопалагаются, поверяя друг друга и образуя некий бытийно-культурный палимпсест, что придает воспоминаниям онтологический статус. Перефразируя известную максиму, эмигрант мог бы утверждать: «Я помню, следовательно, я существую» [5, с. 241].

Исследователями были проанализированы мотивы создания «эгодокументов», и выявлено, что подавляющее большинство авторов пишут «дабы сохранить память о событиях прошлого» [7, с. 13]. И.Н. Извеков совершенно справедливо отмечает, что память «... невозможна без преемственности не генетически передаваемых данных, то есть, в частности, без соотнесения личности с историей страны. В то же время «ощущение собственной самости» (что и есть идентичность) невозможно без соотнесения себя с тем, что создавалось предшествующими поколениями семьи, то есть без соотнесения себя с истоками своего рода» [8, с. 6].

Таким образом, создание различного рода эгодокументов происходит преимущественно с целью запечатлеть память о себе и своем роде на фоне эпохи, зафиксировать воспоминания о своих близких, передать следующим поколениям историю своего рода и историю своей страны из первых рук, «чтобы помнили». Историческая память порою детерминирует настоящее (говоря словами Н. Гумилева «память, ты рукою великанши жизнь ведешь, как как под уздцы коня...») и «хранит в нас, живущих, образы давно ушедших, и великих, гениальных, и не столь великих и гениальных, зато любимых, зато родных [12, с. 10].

Список литературы

1. Акопян С. Ю. Этнополитические и международно-правовые последствия геноцида армян в Турции : автореф. дисс. ... канд. полит. наук / С. Ю. Акопян. – Ростов-на-Дону, 2006.
2. Бобылев В. В. Политическая персонификация: личность политического лидера в контексте прогнозирования / В. В. Бобылев // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. – 2011. – № 4 (18). – С. 207–209.

3. Бобылев В. В. Политическая персонификация: Постановка проблемы / В. В. Бобылев // Вопросы элитологии: философия, культура, политика : ежегодный альманах астраханского элитологического сообщества (коллективная монография). – 2007. – № 4. – С. 26–32.
4. Бобылев В. В. Политическая персонификация в историко-культурном хронотопе: эвгемеризация лидера / В. В. Бобылев // Вопросы элитологии: философия, культура, политика : ежегодный альманах астраханского элитологического сообщества (коллективная монография). – 2008. – № 5. – С. 87–92.
5. Демидова О. Р. Подводя итоги: эмигрантские мемуарные тексты о конце эпохи Романовых / О. Р. Демидова // Диалог со временем : научное периодическое издание. – 2014. – № 46. – С. 241–259.
6. Закаблуква Т. Н. Семейная хроника в контексте сибирского романа (Г. Д. Гребенщиков «Чураевы», В. Я. Шишков «Угрюм-река») / Т. Н. Закаблуква. – Режим доступа: http://www.bigpi.biysk.ru/fi/readarticle.php?article_id=76, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Зарецкий Ю. П. Свидетельства о себе «маленьких людей»: новые исследования голландских историков / Ю. П. Зарецкий // Человек второго плана в истории : сборник научных статей. – 2007. – № 4. – С. 329–340.
8. Извеков И. Н. Формирование генеалогической культуры старшекласников в целостной образовательной среде семьи и школы : автореф. дисс. ... д-ра пед. наук / И. Н. Извеков. – Сочи, 2010. – С. 4.
9. Лисевич Н. Г. Повседневная жизнь населения печорского края в дневниках и воспоминаниях (1914–1918 гг.) / Н. Г. Лисевич // Диалог со временем : научное периодическое издание. – 2014. – № 47. – С. 362–370.
10. Мининков Н. А. Человек второго плана в контексте современной историографии: пять лет спустя / Н. А. Мининков, А. В. Кореневский, А. Е. Иванеско // В тени великих: образы и судьбы : сборник научных статей. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2010.
11. Мининков Н. А. Человек второго ряда как исследовательская проблема / Н. А. Мининков // Человек второго плана в истории : сборник научных статей. – 2004. – № 1. – С. 4–13.
12. Нарьян Р. В. Непобедимые предрассудки / Р. В. Нарьян. – Белгород : Политерра, 2011. – 478 с.
13. Никольский Е. В. Жанр романа семейной хроники в русской литературе рубежа тысячелетий / Е. В. Никольский. – Режим доступа: http://vestnik.adygnet.ru/files/2012.1/1644/nikolsky2012_1.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
14. Репина Л. П. Интеллектуальная история в человеческом измерении / Л. П. Репина // Человек второго плана в истории : сборник научных статей. – 2006. – № 3. – С. 41.
15. Репина Л. П. От исторической биографии к биографической истории / Л. П. Репина // В тени великих: образы и судьбы : сборник научных статей. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2010.
16. Рубинина З. М. Семейный фотографический архив как исторический источник (на примере архива семьи Левицких из коллекции ГИМ) / З. М. Рубинина // Диалог со временем : научное периодическое издание. – 2014. – № 46. – С. 109–119.
17. Ткач О. Изучение истории семьи как стратегия качественного исследования / О. Ткач. – Режим доступа: http://socioline.ru/files/5/348/s-071_pages.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
18. Самофалова Е. А. Семейная хроника как жанровый элемент воспоминаний Т. П. Пасек / Е. А. Самофалова. – Режим доступа: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/022-015.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Akopyan S. Yu. *Etnopoliticheskie i mezhdunarodno-pravovye posledstviya genotsida arмян v Turtsii* [Ethno-political and international legal consequences of the Armenian Genocide in Turkey], Rostov-na-Donu, 2006.
2. Bobylev V. V. Politicheskaya personosfera: lichnost politicheskogo lidera v kontekste prognozirovaniya [Political personosfera: personality of the political leader in the context of forecasting]. *Vestnik Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta turizma i kurortnogo dela* [Bulletin of Sochi State University for Tourism and Recreation], 2011, no. 4 (18), pp. 207–209.
3. Bobylev V. V. Politicheskaya personosfera: Postanovka problemy [Political personosfera: Formulation of the problem]. *Voprosy elitologii: filosofiya, kultura, politika : ezhegodnyy almanakh astrakhanskogo elitologicheskogo soobshchestva* [Questions of Elitology: Philosophy, Culture, Politics. The Annual Almanac of Astrakhan Elitology Community], 2007, no. 4, pp. 26–32.

4. Bobylev V. V. Politicheskaya personosfera v istoriko-kulturnom khronotope: evgemerizatsiya lidera [Political personosfera historical and cultural chronotope: evgemerizatsiya leader]. *Voprosy elitologii: filosofiya, kultura, politika : ezhegodnyy almanakh astrakhanskogo elitologicheskogo soobshchestva* [Questions of Elitology: Philosophy, Culture, Politics. The Annual Almanac of Astrakhan Elitology Community], 2008, no. 5, pp. 87–92.

5. Demidova O. R. Podvodya itogi: emigrantskie memuamnye teksty o kontse epokhi Romanovykh [Summing up: emigre memoir texts about the end of the era of the Romanovs]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 2014, no. 46, pp. 241–259.

6. Zakablukova T. N. *Semeynaya khronika v kontekste sibirskogo romana (G. D. Grebenshchikov «Churaevy», V. Ya. Shishkov «Ugryum-reka»)* [Family Chronicle in the context of the Siberian novel (GD Grebenshikov "Churaeva" VY Shishkov "Gloom-river")]. Available at: http://www.bigpi.byisk.ru/ff/readarticle.php?article_id=76.

7. Zaretskiy Yu. P. Svidetelstva o sebe «malenkikh lyudey»: novye issledovaniya gollandskikh istorikov [Certificate Me "little people", new research by Dutch historians]. *Chelovek vtorogo plana v istorii* [Man Actress in History], 2007, no. 4, pp. 329–340.

8. Izvekov I. N. *Formirovanie genealogicheskoy kultury starsheklassnikov v tselostnoy obrazovatelnoy srede semi i shkoly* [Formation of genealogical culture of senior pupils in the whole educational environment of family and school], Sochi, 2010, pp. 4.

9. Lisevich N. G. Povsednevnyaya zhizn naseleniya pechorskogo kraya v dnevnikakh i vospominaniyakh (1914–1918 gg.) [The daily life in the Pechora region in the diaries and memoirs (1914–1918)]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 2014, no. 47, pp. 362–370.

10. Mininkov N. A., Korenevskiy A. V., Ivanenko A. Ye. Chelovek vtorogo plana v kontekste sovremennoy istoriografii: pyat let spustya [Man of the second plan in the context of modern historiography: Five Years Later]. *V teni velikikh: obrazy i sudby* [In the Shadow of the Great: Images and Destiny], Saint-Petersburg, Aleteyya Publ., 2010.

11. Mininkov N. A. Chelovek vtorogo ryada kak issledovatel'skaya problema [Man of the second row as a research problem]. *Chelovek vtorogo plana v istorii* [Man Actress in History], 2004, no. 1, pp. 4–13.

12. Naryan R. V. *Nepobedimye predrassudki* [Invincible prejudice], Belgorod, Politerra Publ., 2011. 478 p.

13. Nikolskiy Ye. V. *Zhanr romana semeynoy khroniki v russkoy literature rubezha tysyacheletiy* [Genre novel family chronicle in Russian literature turn of the millennium]. Available at: http://vestnik.adygnet.ru/files/2012.1/1644/nikolsky2012_1.pdf.

14. Repina L. P. Intellectualnaya istoriya v chelovecheskom izmerenii [The intellectual history of the human dimension]. *Chelovek vtorogo plana v istorii* [Man Actress in History], 2006, no. 3, pp. 41.

15. Repina L. P. Ot istoricheskoy biografii k biograficheskoy istorii [From historical biography to biographical history]. *V teni velikikh: obrazy i sudby* [In the Shadow of the Great: Images and Destiny], Saint-Petersburg, Aleteyya Publ., 2010.

16. Rubinina Z. M. Semeynyy fotograficheskiy arkhiv kak istoricheskii istochnik (na primere arkhiva semi Levitskikh iz kolleksii GIM) [Family photographic archive as a historical source (for example, family archives Levitsky from the collection of the State Historical Museum)]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 2014, no. 46, pp. 109–119.

17. Tkach O. *Izuchenie istorii semi kak strategiya kachestvennogo issledovaniya* [Study of the history of the family as a strategy of qualitative research]. Available at: http://socioline.ru/files/5/348/s-071_pages.pdf.

18. Samofalova Ye. A. *Semeynaya khronika kak zhanrovyy element vospominaniy T. P. Passek* [Family chronicle as a genre element memories T. P. Passek]. Available at: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/022-015.pdf>.